

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АВТОПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО РЕЖИМА

Леонид Поляков

Леонид Поляков — профессор, заведующий кафедрой общей политологии ГУ-ВШЭ

Вопрос об идеологии российского режима одновременно и сложен, и прост.

Сложен потому, что никто из его создателей и высших представителей никогда не формулировал когерентный набор принципов и положений, который был бы представлен в качестве идеологической платформы или идеологического обоснования режима. Более того, и Путин, и Медведев тщательно избегали и избегают любых идеологических определений и самоопределений. Единственным исключением можно считать ясно удерживаемую дистанцию по отношению к коммунистам. Но и то: ни второй, ни третий российский президент не может быть охарактеризован как однозначный «антикоммунист» подобно президенту Ельцину.

Мало помогает и поиск идеологической определенности режима с помощью так называемой партии власти. И по истории создания, и по своей цели «Единая Россия» (ЕР) представляет собой **типичную всеохватную партию** (catch-all party), хотя в целом партийная система вполне может быть описана как «партийный картель». Наличие в структуре ЕР трех клубов — либерально-консервативного, со-

циал-консервативного и патриотического — явно указывает на желание охватить весь идеологический спектр за исключением крайне левых и крайне правых. Эта идеологическая «всеядность» ЕР настолько заметна, что даже лидер ее списка на парламентских выборах 2007 года вынужден был публично критиковать партию за «идеологическую нечеткость». С тех пор, похоже, мало что изменилось.

В такой позиции правящего слоя можно видеть и точное следование ст. 13 Российской Конституции, запрещающей «государственную» («обязательную») идеологию, и некоторое политтехнологическое лукавство. Президент и «партия власти» предпочитают черпать из общего «электорального котла» половником, в то время как их оппоненты вынуждены это делать кто суповыми, а кто и вовсе десертными ложками.

Однако все эти сложности не означают того, что у российского режима нет никакой идеологии. С момента вступления Путина в должность исполняющего обязан-

ностей камнях». Это — ценности, идентичность, критерий самооценки и горизонт целеполагания.

Базовой ценностью режима продолжает (как и в 1990-е годы) оставаться **свобода**. Попытки приписать режиму Путина обмен «свободы» на «порядок», «стабильность», «справедливость», «благополучие» (нужное подчеркнуть) и соответственно вменить президенту Медведеву задачу «возвращения свободы» — это либо полемический прием политических оппонентов, либо абберрация экспертного сознания. Кредо Медведева «Свобода лучше, чем несвобода» вовсе не намек на то, что он — «либерализатор» путинского режима.

В реальности ценность свободы сохраняется и активно пропагандируется режимом в трех основных направлениях:

- как свобода рыночной экономики;
- как свобода глобальной конкуренции разных «полюсов» («центров силы»), продвигающих свои «национальные интересы»;
- как свобода в выборе форм ор-

Кредо Медведева «Свобода лучше, чем несвобода» вовсе не намек на то, что он — «либерализатор» путинского режима

ности президента РФ и до настоящего времени она была и продолжает существовать, развиваясь и обогащаясь в зависимости от внутренней российской и глобальной политико-экономической конъюнктуры. Необходимо лишь найти те ключевые точки, опираясь на которые можно будет реконструировать идеологию режима. Или тот его идеологический автопортрет, который хотя и не висит на стенах кремлевских кабинетов, но ясно прослеживается как в словах, так и в действиях российского правящего слоя.

Как и всякое здание, идеология режима стоит на четырех «крае-

организации народовластия, то есть свобода от любого навязанного извне образца.

Первая позиция отчетливо просматривается хотя бы в том, что весь ключевой экономический блок правительства и администрации президента оккупирован людьми однозначно либеральных (иногда — экстремально-либеральных, как в случае с Андреем Илларионовым) убеждений. И они — явно неприкасаемые, как показывает конфликт с Александром Лукашенко, вызванный главным образом словами и позицией вице-премьера и министра финансов Алексея Кудрина.

Вторая позиция легко наблюдаема уже в течение длительного периода, но особенно — после мюнхенской речи президента Путина в феврале 2006 года. Российский режим полагает предпочтительным формат деидеологизированного мира после холодной войны, мира, в котором каждый свободен в выборе принципов, но не вправе навязывать их никому другому. **Свобода глобальной конкуренции, в которой выживает наиболее приспособленный (survival of the fittest), — парадоксальная смесь фон Хайека и Карла Шмитта.**

Третья позиция ярко представлена в концепции «суверенной демократии». Хотя сам термин принадлежит Романо Проди (2004) и затем использовался Диком Чейни (2006), концепция «суверенной демократии», сформулированная в президентском послании 2005 года, утверждает одну простую идею. А именно: право каждого народа организовывать свою власть в соответствии с критерием эффективности, а не соответствия некоему универсальному «стандарту демократии». Насколько приемлемой эта концепция является для Медведева, критиковавшего само словосочетание, показывает его известный тезис: «*Всякая демократия абсолютно исторична и абсолютно национальна*». Следует при этом учесть, что данная концепция вовсе не утверждает российскую «самобытность».

Вторая ключевая точка — **идентичность**. Путин всегда исходил из того, что **Россия — европейская страна**, разделяющая общеевропейские христианские и гуманистические ценности. Владислав Сурков в своей статье «Национализация будущего. Параграфы

ной Европы, США и России. И это не просто историософская схема, а основа практической политики, поскольку идея Медведева о созыве общеевропейского совещания

не позволяющим нации остановиться.

И нужно признать, что это достаточно амбициозная цель. Ее обозначил Владислав Сурков в

«без блоков» и старых предрассудков по-прежнему «на столе».

Третья ключевая точка — **критерий самооценки**. Паролем здесь является **конкурентоспособность** как интегральное качество страны. Текущая ситуация в России рассматривается с точки зрения способности отстаивать свои «национальные интересы» в противостоянии с остальными глобальными «игроками».

Поэтому «модернизация» понимается режимом как средство повышения конкурентоспособности, а не как «вестернизация». Задача — догнать и не отстать. Но это — в краткосрочном плане.

Четвертая ключевая точка — наличие **горизонта целеполагания**. Речь идет о том, что режиму при-

лекции «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» (2007). Вот его слова: «Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы (...) речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе. Нужна новая проекция русской культуры на предстоящую историю».

По сути дела, ставится задача превратить Россию из цивилизации-подражателя, из страны, отстающей от других, в страну-лидера, страну — образец для подражания.

Разумеется, и Путин, и Медведев как прагматичные политики за горизонт 2020 года предпочитают не заглядывать. Но амбициозная цель, сформулированная Сурковым, — это глубинный мотив деятельности того и другого.

Как можно обозначить реконструированную идеологию российского режима? По-видимому, **патриотический национал-либерализм**. Не столько жестко ограниченное пространство четких формул и концепций, сколько свободно плавающая грань между идеологиями «национального освобождения» и «национального призвания». ■

Ставится задача превратить Россию из цивилизации-подражателя в страну-лидера, страну — образец для подражания

PRO суверенную демократию» ясно зафиксировал эту цивилизационную идентификацию: «Держаться Запада, не выпасть из Европы».

Президент Медведев в своей берлинской речи в 2007 году сформулировал концепцию Европы, состоящей из трех «ветвей»: Запад-

сущее свойство ориентации себя и нации на цель, которая если и достижима, то только в длительной исторической перспективе. И служит не столько целью в смысле стратегического планирования, сколько стимулом развития, недостижимым идеалом,

Специально для РЖ